

Прошло много времени, а он так и не вышел. В сердце Шао Ицяня постепенно начал подниматься страх и беспокойство — его последний тайник с половиной пакета острых палочек всё ещё был на кухне. Неужели он недостаточно хорошо спрятал их? Может, их уже нашли?

Эта мысль была поистине ужасной, даже страшнее, чем быть избитым бабушкой Шао до полусмерти!

Шао Ицянь поспешил на кухню, чтобы проверить, и увидел... Янь Яня, который держал огромный кухонный нож и точил карандаш.

Нож был больше лица Янь Яня, и он не мог ухватить деревянную рукоятку, поэтому с большим трудом держал его за обух, прижимая к груди. Осколки дерева разлетались во все стороны, превращая разделочную доску в полный беспорядок.

...Кажется, у всех детей есть странная одержимость карандашами 2В — если они не заточат карандаш до остроты, они не смогут нормально делать домашнее задание.

Шао Ицянь бросил взгляд и убедился, что его тайник с острыми палочками всё ещё не обнаружен, после чего решил пошутить, показав издали большой палец вверх.

Но чем больше он смотрел, тем больше ему становилось не по себе.

Нож блестел под ярким светом лампы, и чем дольше он смотрел, тем больше казалось, что от него исходит зловещая аура. Внезапно всплыли воспоминания о событиях дня — Дурочка, которую вскрыли, и Ли Сиси, о которой соседи говорили, что она, кажется, потеряла рассудок.

В представлении Шао Ицяня, в реальной жизни люди умирают только от старости, а самоубийства, убийства и прочие ужасы существуют только в телевизоре. Люди вокруг не ищут смерти, она сама находит их.

По крайней мере, жизнь человека должна быть такой — как горка в детском саду: скатываешься сверху вниз, и когда достигаешь конца, жизнь заканчивается. Очевидно, Дурочка скатилась только наполовину, а потом её кто-то резко дернул, и она достигла конца раньше времени.

Теперь, вспоминая те события, страх и тревога, которые он испытывал днём, но старался скрыть, сжались в четыре слова, которые становились всё яснее — Дурочка умерла.

Представьте, если бы первые два слова были не «Дурочка», а что-то другое... Только сейчас он начал испытывать настоящий страх.

Что думали Чэнь Мэн и Янь Янь, которые своими глазами видели, как Дурочка умерла в страшных муках?

Шао Ицянь какое-то время стоял в оцепенении, а потом молча ушёл, направившись в уборную, чтобы забрать ночные горшки стариков. Впервые в жизни он сам пошёл стелить постель, даже нагло подсунув своё одеяло между одеялами стариков.

Не боясь насмешек, он признался себе, что с тех пор, как помнит себя, всегда вёл себя дерзко, кроме случаев, когда приходилось подлизываться к бабушке Шао. Впервые в жизни он почувствовал, что смерть так близка и так внезапна.

Около десяти часов вернулась бабушка Шао.

Она нахмурилась, увидев расположение одеял на кровати, но молча приняла этот порядок, уложив уже спящих Янь Яня и Шао Ицяня рядом.

Как говорил старина Чэнь, Ли Сиси кто-то подсыпал галлюциноген или что-то подобное, чтобы её оглушить, но тот, кто дал ей препарат, похоже, был дилетантом — доза оказалась слишком большой, и она потеряла сознание от передозировки.

В любом случае, Ли Сиси уже ночью отправили в городскую больницу.

Перед сном Шао Ицянь был уверен, что его ждут кошмары, и так оно и вышло.

Сначала за ним гнался человек с маской, на которой были изображены синее лицо и клыки. Он изо всех сил пытался скрыться в узких переулках, каждый раз едва ускользая от преследователя. Потом маска внезапно раскололась от удара молнии, и под ней оказалось обожжённое лицо Дурочки, бледное и страшное.

Во сне Дурочка перестала быть глупой, её растрёпанный вид был ещё страшнее, чем маска. Она продолжала преследовать его с кухонным ножом в руке, крича:

— При жизни я терпела унижения, мои родители меня не любили, а ты, кто ты такой, чтобы смотреть на меня свысока и бить меня? Я проклинаяю тебя — всю жизнь ты будешь метаться и ничего не добьёшься!

Шао Ицянь, охваченный страхом, хотел крикнуть «Помогите!», но, услышав её слова, его страх постепенно исчез, уступив место язвительной насмешке:

«Кто я такой? А ты кто такая? Ничего не добиться — это лучше, чем умереть плохой смертью. Если бы проклятия работали, ты бы уже умерла тысячу раз».

Злоба пришла просто и прямо, и даже во сне он был шокирован своей жестокостью. Этот сон, где он убегал, а его преследовали, сначала был страшным, но постепенно стал скучным, а потом и вовсе затянулся.

Ему надоело бегать, и он обернулся к Дурочке, саркастически улыбнулся, помахал рукой и сказал:

— Продолжай гнаться, я не буду тебя ждать.

Но как бы он ни пытался проснуться, сколько бы сил ни прикладывал, это было бесполезно. Его разум был полностью ясен, он даже слышал, как где-то кричал петух, но тело было заперто в оболочке, и он мог только продолжать кружить вокруг, пока Дурочка, охваченная яростью, преследовала его.

Дурочка бежала всё быстрее, а он становился всё медленнее, как будто двигался в замедленной съёмке. В одно мгновение нож Дурочки оказался у его горла.

Когда он обернулся, взгляд Дурочки внезапно изменился — от ярости к печали. Печаль была настолько тяжёлой, что её глаза были полны слёз, готовых вылиться наружу.

Он услышал, как Дурочка сказала:

— Мы одинаковые. Мы как тропические рыбы, выброшенные волнами на берег. Пока нас не

высушило солнце, мы будем бороться, чтобы вернуться в море.

Во сне Дурочка была всемогущей, она могла управлять ветром и дождём, общаться с духами. Едва её слова успели упасть на землю, как стены вокруг исчезли, и вместо них появилось бескрайнее море. На берегу лежала почти мёртвая рыба.

Чешуя рыбы была изодрана в кровь, её рот и жабры постоянно открывались и закрывались. Она пыталась двигаться вперёд, но море, казалось, отступало, всегда оставаясь на расстоянии около десяти метров.

Внезапно над головой появилось яркое солнце, и рыба резко дёрнулась, остановившись на месте. Шао Ицянь моргнул и заметил, что лицо на голове рыбы выглядело до боли знакомым — это была уменьшенная версия его собственного лица.

Чёрт возьми, это было жутко.

— До встречи.

До встречи? Это значит, что мы встретимся завтра?

Он всё ещё пытался понять, что это значит, когда вдруг услышал очень чёткий звук удара. Слава богу, он проснулся.

Лицо Янь Яня оказалось прямо перед ним. Шао Ицянь был в полном замешательстве, а потом вспомнил, что забыл сказать Дурочке одну вещь:

«Я действительно тебя обижал, но это не я тебя убил! У всего есть причина и виновник, раз уж ты вернулась, иди и отомсти Разноглазому!»

За окном едва светало.

Янь Янь, лежавший рядом, держал в руках деревянную чесалку для спины и с улыбкой тихо поздоровался:

— Доброе утро.

После этого он быстро отодвинулся к бабушке Шао и закрыл глаза.

Шао Ицянь продолжал пребывать в замешательстве.

Вдруг старик Шао закричал:

— Сколько раз я говорил, не трогай мою трубку, не трогай мою трубку, ты что, не слушаешь, Шао Ицянь?!

Шао Ицянь тут же понял — звук, который вытащил его из сна, был звуком медной трубки, упавшей на пол. А почему она упала? Не нужно быть гением, чтобы понять — Янь Янь сбил её чесалкой.

Ну, конечно, виновник теперь мастерски притворяется спящим, а он, козёл отпущения, остаётся с открытым ртом. Старик Шао был очень спокойным человеком, но у него была одна слабость — он мог терпеть всё, кроме потери своей трубки. Эта трубка сопровождала его со времён Культурной революции и была почти частью его жизни.

Виновник притворялся ещё более убедительно, делая вид, что его сон прервали, причмокивал губами и естественно перевернулся на другой бок, не двигаясь.

Шао Ицяннь промолчал, лишь подумав: «Ты у меня ещё попляшешь!»

Старик Шао, ругаясь, слез с кровати и ушёл, обнимая свою трубку, в глубокой печали.

<http://bllate.org/book/16843/1549583>